

ЭММЕЛИН ПАНКХЁРСТ

МОЯ ЖИЗНЬ

Записки суфражистки

ЛЮДИ. СУДЬБЫ. ЭПОХИ

Люди. Судьбы. Эпохи

Эммелин Панкхёрст

Моя жизнь. Записки суфражистки

«Директ-Медиа»

1914

УДК 396(410)"19"
ББК 66.74(4Вел)

Панкхёрст Э.

Моя жизнь. Записки суфражистки / Э. Панкхёрст — «Директ-Медиа», 1914 — (Люди. Судьбы. Эпохи)

ISBN 978-5-4499-2009-6

Сложно переоценить вклад, который внесли британские суфражистки начала XX века в борьбу за права женщин во всем мире. Эммелин Панкхёрст, героиня этой книги, стояла у истоков феминизма и вдохновляла тысячи женщин. Демонстрациями и голодовками, а подчас даже жертвуя собственной жизнью, суфражистки добивались предоставления женщинам избирательного права. Будучи сильным оратором, Эммелин вызывала восхищение и желание действовать: хрупкие девушки яростно бросались на полицейских, закидывали камнями дома министров, устраивали поджоги и отправлялись в тюрьму во имя лучшей жизни. Эта история — о невероятной силе слабого пола. О женщине, которая изменила мир.

УДК 396(410)"19"

ББК 66.74(4Вел)

ISBN 978-5-4499-2009-6

© Панкхёрст Э., 1914
© Директ-Медиа, 1914

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эмелин Панкхёрст

Моя жизнь. Записки суфражистки

© Издательство «Директмедиа Паблишинг», оформление, 2021

Эмелин Панкхёрст

Предисловие

Последние главы этой книги писались поздним летом 1914 г., когда происходила мобилизация армий всех великих держав Европы для дикой, беспощадной и варварской войны друг с другом, против слабых и мирных народов, против незащищенных женщин и детей, против самой цивилизации. Какой скромной и умеренной, в сравнении с газетными телеграммами наших дней, покажется моя хроника борьбы возмущившихся женщин против политической и социальной несправедливости!.. И все же, пусть она останется в том виде, как написана, с так называемым миром, цивилизацией и законным правительством в качестве фона для героизма, какой редко встречался в мировой истории. Воинственные стремления мужчин во все века топили мир в крови, и за эти деяния, несущие ужас и разрушения, их, мужчин, увековечивали памятниками, прославляли в песнях и поэмах, Воинственность женщин ни чьей жизни не принесла вреда, если не считать жизнью тех, кто вел борьбу за право. Одно лишь время покажет, какая награда достанется в удел женщинам.

Одно мы знаем, а именно, что в этот мрачный час, пробивший в Европе, мужчины обратились к своим женщинам с призывом взять на себя дело сохранения культуры и цивилизации. На полях, в садах и виноградниках женщины запасают пищу как для мужчин, ведущих бой, так и для детей, у которых война отняла отцов. В городах женщины не дают замереть торговле, они правят повозками и управляют трамваями, выполняют множество деловых обязанностей.

Забудется ли эта благородная роль женщин, когда вернутся остатки армий и когда мужчины вновь возьмут в свои руки торговлю и промышленность? Забудут ли в Англии, как женщины всех положений и классов бросили свои личные дела и организовались не только для того, чтобы ухаживать за ранеными, заботиться о нуждающихся, утешать страждущих и одиноких, но и для того, чтобы фактически поддержать существование нации? Пока что, надо признаться, имеется мало указаний на то, что английское правительство оценивает бескорыстную деятельность, развитую женщинами. Так, например, все правительственные предположения о борьбе с безработицей направлены против безработицы мужчин. В некоторых случаях специально женская работа – шитье – отбиралась у них в пользу мужчин.

При первом же раскате военной грозы милитантки провозгласили перемирие, на которое правительство ответило довольно холодно заявлением, что оно готово освободить из тюрем всех осужденных суфражисток, которые дадут подписку, что они «впредь не будут совершать преступлений и насилий». Со времени провозглашения перемирия ни одна из узниц-милитанток не удостоила ответить на приглашение министра внутренних дел. Через несколько дней, под влиянием, несомненно, представлений, сделанных правительству мужчинами и женщинами различных политических убеждений (многие из них никогда не являлись сторонниками революционной тактики), мистер Маккенна заявил в Палате Общин, что правительство намерено в ближайшие же дни освободить без всяких условий всех узниц-милитанток. Так на время закончилась война женщин против мужчин. По-прежнему женщины становятся матерями-кормиллицами мужчин, их сестрами и не знающими жалоб помощницами и спутницами жизни. Будущее таится далеко впереди, но в заключение этого предисловия и всей книги пусть будет выражена уверенность, что борьба за полное освобождение женщин не оставлена; она лишь на время отсрочена. Когда стихнет бряцание оружия, когда нормальное, миролюбивое, здравомыслящее человеческое общество вновь вернется к обычной жизни, снова будут предъявлены наши требования. И если не последует быстрого их удовлетворения, женщины опять возьмутся за оружие, которое они ныне благородно отложили в сторону. Не может мир наслаждаться действительным миром, пока женщина, мать человеческой семьи, не получит доступа к управлению делами вселенной.

Часть I

Как я стала милитанткой

Глава I

Счастливы мужчины и женщины, родившиеся в эпоху, когда в разгаре – великая борьба за свободу людей. Еще счастливее те, чьи родители принимали личное участие в великих движениях своего времени. Я рада и благодарна судьбе за то, что принадлежу к числу последних.

Одним из самых ранних моих воспоминаний является большой базар, устроенный в Манчестере, где я родилась, с целью собрать деньги для помощи неимущим неграм, только что освобожденным от рабства в Соединенных Штатах. Моя мать приняла энергичное участие в этом предприятии и мне, совсем маленькому ребенку, вручили мешочек для сбора денег.

Как ни была я мала, – мне было не больше пяти лет, – я прекрасно понимала значение слов *рабство* и *освобождение*. С младенчества я привыкла слышать споры за и против рабства и по поводу американской гражданской войны. Общественное мнение Англии резко разделилось по вопросу и о рабстве, и об отпадении Южных Штатов. Говоря вообще, имущие классы стояли за рабство, но было и немало исключений. Большинство друзей нашей семьи были против рабства, а мой отец, Роберт Гульден, всегда являлся самым пылким сторонником освобождения. Моя мать так увлекалась романом Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», что постоянно черпала из него рассказы для нас перед сном. Рассказы эти живы поныне в моей памяти, ибо произвели на меня самое глубокое впечатление. Я и сейчас живо помню то волнение, какое испытывала каждый раз, когда моя мать рассказывала о бегстве Элизы по льдинам через реку Огайо, о неудавшемся преследовании ее и ее спасении благодаря помощи решительного старика-квакера. Я помню еще другой эпизод, заставлявший меня дрожать от волнения – это побег мальчика-негра с плантации жестокого хозяина. Мальчик никогда еще не видел железной дороги, и когда, бродя вдоль неведомых ему рельс, он услышал гул приближающегося поезда, ему почудилось в скрипе колес повторение одних и тех же ужасных слов: «хватай негра! хватай негра!». Это было ужасно, и всякий раз, когда мне в детстве приходилось ехать по железной дороге, я думала об этом бедном, беглом рабе, старающемся ускользнуть от преследующего его чудовища.

Эти рассказы, постоянные подписки и сборы денег для различных начинаний, о которых я слышала столько разговоров, навеки запечатлелись в моем уме и повлияли на мое развитие. Они пробудили во мне двоякого рода чувствования, на которые я чутко отзывалась в течение всей своей жизни. Это, во-первых, преклонение и удивление перед тем духом борьбы и героического самопожертвования, который один не дает замереть цивилизации, и, во-вторых, не меньшее уважение к более спокойному умонастроению, побуждающему смягчать и исцелять раны, наносимые войною.

Не помню времени, когда я не могла читать или когда чтение не было для меня наслаждением и утешением. Больше всего любила я произведения романтического и идеалистического характера, увлекалась сочинениями Буньяна, «Французской революцией» Карлейля...

Влияла на меня и атмосфера моего родного города. Манчестер принадлежит к числу городов, переживших немало бурных эпизодов, в особенности политического характера. Его граждане в своей массе настроены были либерально, являлись защитниками свободы слова и свободы мнений. В конце 60-х годов в Манчестере имело место одно из тех ужасных событий, которые являются исключением из правила. Оно произошло в связи с восстанием фениев в Ирландии. Разразился мятеж фениев, и полиция арестовала их вождей. Этих последних в

тюремной карете повезли в тюрьму. По пути карета была остановлена и сделана попытка освободить арестованных. Один из нападавших выстрелил из револьвера, стараясь разбить замок в дверцах кареты. Один из полицейских оказался смертельно ранен; часть нападавших была арестована и обвинена в убийстве. Я отлично помню это событие, хотя и не была сама очевидицей его; я точно сейчас слышу возбужденный рассказ о нем моего старшего брата.

Закончилось это происшествие одною из тех роковых ошибок, какие нередко делает юстиция. Хотя выстрел был произведен без малейшего намерения убить кого-нибудь, арестованных обвинили в предумышленном убийстве и три из них были осуждены и повешены. Проходя как-то мимо тюрьмы, по дороге из школы домой, я в полуоткрытые ворота увидела остатки недавно убранный виселицы. Меня объял ужас, и я сразу прониклась убеждением, что казнь их была ошибкой, хуже того – преступлением. В эту минуту во мне зародилось сознание одного из самых ужасных фактов жизни – того, что часто справедливость и судебный приговор далеки друг от друга, как небо от земли.

Я привела этот факт из моего раннего детства, чтобы иллюстрировать то положение, что впечатления детства часто больше влияют на формирование характера и на будущую деятельность человека, чем наследственность или воспитание. Мне также хотелось показать, что сторонницей милитантства я сделалась в значительной степени в силу сочувствия. Мне лично не пришлось испытывать лишений и огорчений, которые стольких мужчин и женщин заставляют почувствовать и сознать существующую социальную несправедливость. Мое детство протекало в счастливой домашней обстановке и было окружено любовью, хотя и тогда уже родилось во мне чувство неудовлетворенности.

Я смутно чувствовала неодинаковость положения в семье моих братьев и моего с сестрой. В то время, как, например, воспитанию и образованию братьев отец придавал очень большое значение, к образованию моему и моей сестры относились с полным равнодушием.

Особенно ясно поняла я это однажды ночью, когда мои родители, по обыкновению, зашли перед сном к нам в детскую, чтобы взглянуть на нас. Отец наклонился надо мной, поглядел на меня и с сожалением произнес: «Как жаль, что она не мальчик».

Сгоряча я чуть не вскочила, чтобы протестовать против этого сожаления и заявить, что я совсем не хочу быть мальчиком. Я не последовала первому порыву, осталась спокойно лежать в постели, но много дней после того размышляла по поводу замечания своего отца.

Я уразумела, что мужчины считают себя выше женщин и что женщины, по-видимому, соглашались с этим. Мне трудно было примирить это с тем фактом, что как отец, так и мать были сторонниками распространения избирательных прав на женщин. Я была очень юна, когда прошел билль о реформе 1866 г., но я прекрасно помню агитацию, сопровождавшую его. Этот билль о реформе представляет собой первое в Англии после 1832 г. распространение избирательного права на более широкие слои народа. Право голоса при выборах в Парламент этот закон дал каждому арендатору и квартиранимателю, платящему в год арендной платы не менее 10 фунтов стерлингов. При обсуждении билля в Палате Общин Джон Стюарт Милль внес поправку, предлагающую дать избирательное право и женщинам-арендаторам. Поправка была отклонена, но в законе вместо обычного выражения «лица мужского пола» употреблено было слово «лицо». А другой парламентский закон, принятый задолго перед тем, устанавливал, что под словом «лицо» подразумеваются и женщины, если нет специальной оговорки в противном смысле. Ввиду этого многие женщины решили, что им дарованы избирательные права. По этому поводу возгорелся оживленный спор, и для проверки правильности такого понимания решено было, чтобы женщины добивались занесения своего имени в избирательные списки. В Манчестере из общего числа 4.215 женщин, обладающих установленным цензом, 3.924 предъявили это требование; им пришлось обратиться в суд, где их дело отстаивали выдающиеся юристы, в том числе и мой будущий муж, д-р Панкхёрст. Разумеется, суды отвергли требова-

ния женщин, но эта кампания содействовала усилению по всей стране агитации в пользу распространения избирательных прав на женщин.

Мне было 14 лет, когда я в первый раз присутствовала на митинге сторонниц избирательных прав женщин. Я ушла с митинга сознательной и убежденной суфражисткой.

Манчестер в 70-е годы был одним из центров женского движения; во главе последнего здесь стояла группа выдающихся мужчин и женщин. В числе руководящих членов комитета был и д-р Ричард Панкхёрст, женой которого мне суждено было сделаться.

Пятнадцати лет я была отправлена в Париж для поступления в одно из первых в Европе учебных заведений для высшего образования женщин. Здесь моей сожительницей по комнате оказалась дочь Генри Рошфора, республиканца-коммунара и журналиста, сосланного в Новую Каледонию. Рассказы Ноэми Рошфор о революционной деятельности ее отца и вообще дружба с нею не могли не оказать на меня влияния, еще более упрочив уже усвоенные мной либеральные идеи.

На девятнадцатом году я вернулась на родину, в родительский дом. Участвуя посильно в женском движении, я познакомилась ближе с д-ром Панкхёрстом, никогда не перестававшим работать в пользу наделения женщин политическими правами, и в 1879 году вышла за него замуж.

Моя замужняя жизнь длилась девятнадцать счастливых лет. Мне часто приходилось слышать насмешливые замечания, что суфражистками становятся лишь те женщины, которым не удалось устроить свою личную и семейную жизнь и найти выход своим чувствам. Это, пожалуй, неприменимо ни к одной суфражистке, и безусловно неприменимо по отношению ко мне. Моя семейная жизнь и отношения сложились почти идеально, — так, как только можно желать в нашем несовершенном мире. Спустя год после моего замужества родилась моя дочь Кристибель, а еще через полтора года — другая дочь Сильвия. Затем появились еще два ребенка, и в течение нескольких лет мои семейные обязанности почти целиком отнимали мое время.

Однако дети и домашний очаг никогда не поглощали меня настолько, чтобы я утратила интерес к общественной деятельности. Мой муж совсем не хотел, чтобы я превратилась в ничем не интересующуюся хозяйку и мать семейства. Он был глубоко убежден, что в услугах и деятельности женщин общество нуждается не менее семьи. Таким образом, даже в то время, когда дети мои были еще совсем маленькими, я состояла членом исполнительного комитета «Общества избирательных прав женщин», а также и членом бюро комитета, образовавшегося для агитации в пользу законопроекта об имущественных правах замужних женщин. Когда последний стал законом, я с обновленной энергией занялась агитацией в пользу избирательных прав женщин. В это время обсуждалась новая избирательная реформа (распространение прав на сельскохозяйственных рабочих), и мы полагали что годы нашей пропаганды подготовили страну к поддержке нашего требования внести в билль поправку об избирательных правах женщин. И действительно, в Палате Общин значительное большинство оказалось на нашей стороне. Это, впрочем, отнюдь не обеспечивает успех какой-либо меры. Партийные соображения часто заставляют лидеров требовать от своих сторонников голосования против убеждения. Так случилось и на этот раз: Гладстон, этот непримиримый враг женского равноправия, противодействовал принятию нашей поправки и заставил либералов голосовать против нее.

Гладстон полагал, что участие женщин в политической жизни должно ограничиваться содействием существующим партиям мужским. Одним из самых коварных действий Гладстона был раскол, внесенный им в женское движение. Он положил начало женским либеральным союзам. Возникнув в 1881 г. в Бристоле, союзы этого рода быстро покрыли собой всю страну, и в 1887 году они слились в Национальную Женскую Либеральную Федерацию; при ее создании, учредительницы выражали надежду, что женщины, помогая мужчинам в их политической деятельности, скоро получат и сами политические права.

Женская Либеральная Федерация является организацией женщин, придерживающихся программы и принципов либеральной партии, тогда как в такой же роли для женщин-сторонниц консервативной партии выступает «Лига Подснежника», возникшая несколько ранее. Обе эти организации не ставят себе целью завоевание избирательных прав для женщин; они возникли исключительно для служения идеалам определенной партии и для поддержки на выборах партийных кандидатов.

Я не обольщалась надеждами, какие питались участницами федерации; последние отдались деятельности в интересах либеральной партии. Очень мало женщин осталось верными старому знамени. Они снова взялись за пропаганду. Ни одна из них не задала себе вопроса, как и почему добились избирательных прав сельскохозяйственные рабочие. Они их добились, сжигая стога сена, устраивая мятежи и в других формах демонстрируя свою силу; английские политические деятели другого языка не понимают. Угроза двинуться сотысячной толпой к Палате Общин сыграла также свою роль при решении вопроса об избирательных правах сельскохозяйственных работников. Ни одна суфражистка не обратила на это внимания. Что касается меня, то я была еще слишком политически незрела и не усвоила еще мудрости, как вырывать у английского правительства уступки. Мне надо было еще поработать на общественном поприще, ознакомиться с постановкой дела в правительственных школах, в рабочих домах и других благотворительных учреждениях. Мне надлежало как следует присмотреться ко всему тому количеству нищеты и горя, какими отличается созданный мужчинами мир. Только таким путем могла я дойти до возмущения против этого мира.

Глава II

В 1885 году мой муж выступил кандидатом либеральной партии в Парламент в одном из примыкающих к Лондону избирательных округов. Я провела всю избирательную кампанию вместе с ним, выступая с речами и агитируя среди отдельных избирателей. Д-р Панкхёрст пользовался популярностью и несомненно был бы выбран, если бы не противодействие гомрулеров. Среди них царил Парнелл, основой политики которого была борьба со всеми правительственными кандидатами. И вот, несмотря на то, что мой муж был решительным сторонником самоуправления для Ирландии, приверженцы Парнелла усиленно боролись с его кандидатурой, и он был забаллотирован. Я была сильно возмущена, но мой муж объяснил мне всю правильность политики Парнелля. Ему не приходилось рассчитывать при незначительности своей партии вырвать гомруль у враждебного парламентского большинства, но неизменная обструкция могла утомить правительство и заставить его сдаться. Это был ценный политический урок, и спустя много лет мне суждено было воспользоваться им на практике.

В следующем году мы поселились в Лондоне и, как обыкновенно, интересовались рабочим вопросом и социальным движением. Год этот памятен благодаря крупной стачке работниц спичечных фабрик Брайанта и Мэя. Я с энтузиазмом вмешалась в эту стачку, работая вместе с некоторыми выдающимися женщинами, в том числе и с знаменитой Анни Безант. Стачка оказалась успешной, работницы добились существенного улучшения условий своего труда.

В 1890 г. родился мой последний ребенок. У меня теперь было пять детей, и на время мне пришлось воздержаться от активного участия в общественной жизни. Когда Анни Безант ушла из Лондонского Школьного Совета, мне предложили выставить свою кандидатуру, но при всем своем интересе к этой работе я решила отклонить это приглашение. Однако, когда в следующем году возникла новая организация женщин для завоевания ими избирательного права («Лига избирательных прав женщин»), я сочла своим долгом вступить в нее.

Лига выработала новый билль, дающий женщинам избирательное право, и организовала агитацию в его пользу, в которой приняла участие и я. Мы устраивали публичные собрания, на которых выступали с речами и к выступлению в которых приглашали сочувствующих биллю членов Парламента. На одном из этих митингов говорил м-р Хальдэн и сопровождавший его молодой человек. Этот молодой человек, сэр Эдуард Грей, тогда только начинавший свою карьеру, выступил с красноречивой защитой прав женщин. Не надо удивляться тому, что этот самый Эдуард Грей сделался впоследствии решительным противником избирательного права женщин. Я знавала многих молодых людей, начинавших свою политическую карьеру речами в пользу политического равноправия женщин и переходивших потом в лагерь его противников. Этим молодым и честолюбивым политикам надо каким бы то ни было способом обратить на себя общественное внимание, и наиболее пригодное для этого средство – выступление в защиту того или иного прогрессивного движения, вроде движения в пользу распространения избирательных прав на женщин или на рабочих.

В 1893 году мы вернулись из Лондона в Манчестер, где я снова взялась за работу в «Обществе избирательных прав женщин». Следуя моему совету, члены Общества стали устраивать первые собрания под открытым небом; это продолжалось до тех пор, пока в результате такой агитации нам не удалось собрать грандиозный митинг в зале «Свободной Торговли». С этой поры началась пропаганда среди рабочего населения, о которой я давно уже мечтала.

Началась новая и полная поглощающего интереса полоса в моей жизни. Я уже упоминала о том, как вожди либеральной партии советовали женщинам доказать свою зрелость для получения политических прав работой в городском самоуправлении, в частности – занимая неоплачиваемые должности. Значительное число женщин последовало этому совету и стали работать в попечительных и школьных советах. Так как мои дети подросли настолько, что я могла теперь

оставить их на попечение бонн, то ничего не мешало мне заняться этой же деятельностью. Уже спустя год по возвращении в Манчестер я выставила свою кандидатуру в члены Совета по общественному призрению; всего несколько недель перед тем я безуспешно пробовала стать членом Школьного Совета. На этот раз, однако, я была выбрана и прошла значительным большинством.

Советы по общественному призрению, как известно, заведуют средствами, получающимися от налога для бедных, а также теми субсидиями, которые добавочно ассигнуются министерством местного управления. Совет заведует также учреждением, известным у нас под названием рабочего дома. Эти рабочие дома представляют собой нередко соединение целого ряда учреждений для бедных. Так, например, мой рабочий дом состоял из больницы на 900 кроватей, школы с несколькими сотнями учащихся, фермы и многих мастерских.

Вступив в должность, я скоро убедилась, что в нашем участке, Чорлтоне, законы о бедных применяются бездушно и сурово. Прежний состав Совета состоял из людей, известных в качестве сторонников экономии во имя уменьшения местного налога на бедных. Они пеклись не о бедных, а о плательщиках налога, да и о последних заботились они плохо: я скоро удостоверилась в крайне небрежном расходовании денег. Хотя обитателей рабочего дома кормили плохо и недостаточно, заметно было чрезмерное расходование съестных продуктов... Мне пришлось столкнуться с рядом других непорядков в ведении всего дела, и с первых же дней я выступила с предложением различных реформ, имеющих целью устранить излишнюю жестокость и сделать жизнь призываемых несколько более приятной.

Однако, скоро я должна была убедиться, что при существующих условиях закон о бедных не может дать всего того, что имелось в виду при его издании. Нужны новые законы, и мне скоро стало ясно, что у нас не может быть надежды добиться их, пока женщины не получают права голоса. В годы моей деятельности в качестве попечительницы, а также и в последующие годы, женщины-попечительницы во всех углах страны тщетно добивались реформы законов о бедных. Их особенно возмущали такие порядки, на которые мужчины не обращали внимания. Достаточно упомянуть о девушках-матерях и об их малютках. Незаконные дети – большей частью матерями их являются молодые, совсем неопытные служанки, – отдаются за деньги на воспитание. Полагается, чтобы попечители советов по общественному призрению назначали специальных инспекторов для посещения тех женщин, которые берут детей на воспитание. Но закон устанавливает, что если отец незаконного ребенка вносит ничтожную сумму в 20 фунтов, то воспитатели последнего не подлежат надзору и контролю. Поскольку фермерская семья, специализировавшаяся на воспитании детей, держит одновременно лишь одного ребенка, за которого отцом внесены 20 фунтов, постольку их дом огражден от посещения инспектора. Разумеется, грудные дети умирают ужасно скоро, часто еще до того, как истрачены полученные двести рублей, и фермер может свободно искать новую жертву. Долгие годы, как я уже сказала, женщины тщетно добивались этой ничтожной реформы законов о бедных с целью обеспечить действительную охрану всех незаконных детей и сделать невозможным для всякого состоятельного негодяя избавление от дальнейшей ответственности за своего ребенка уплатой ничтожной суммы денег. И неудачу следует приписать только тому, что в реформе были заинтересованы одни лишь женщины.

Я считала себя суфражисткой еще до того, как сделалась попечительницей, но теперь я стала смотреть на избирательные права женщин не только как на их естественное право, но и как на крайнюю необходимость. Эти бедные незащитные матери и их малютки, несомненно, сыграли не малую роль в воспитании из меня милитантки.

Произвели на меня сильное впечатление и старухи, с которыми меня сталкивала моя деятельность. Я собирала сведения о них и убеждалась, что большинство их отнюдь не принадлежали к числу испорченных или преступных женщин; они провели вполне безупречно свою жизнь, будучи женами и матерями или живя одиноко и самостоятельно зарабатывая средства к

жизни. Значительная их часть принадлежала к числу домашней прислуги, не замужних, потерявших место и достигших того возраста, когда уже невозможно найти место. Попадали они в рабочий дом совсем не по своей вине, а только потому, что скудность их заработка не позволяла им делать сбережений. Ведь средний заработок женщин-работниц в Англии не достигает 2 долларов в неделю. На эти гроши трудно существовать и, разумеется, невозможно откладывать на черный день. Не говорю уже о том, что самостоятельно живущей женщине большей частью приходится еще содержать кого-нибудь из родных. Как может она делать сбережения?

Некоторые из наших женщин были замужем. Не одна из них, как я узнала, были вдовами обученных рабочих, получавших пенсии от своих профессиональных союзов; но уплата пенсии прекращалась со смертью мужа. Эти женщины, отказавшиеся от работы на самих себя и посвятившие себя работе и заботам о своих мужьях и детях, оказывались оставленными без копейки. Им ничего не оставалось делать, как идти в рабочий дом. Среди этих женщин встречалось немало вдов людей, послуживших родине в армии или флоте. Пенсии выдавались их мужьям, но выдача их прекращалась со смертью последних.

Теперь уже нам, надеюсь, не придется встречать в рабочих домах столько достойных старых женщин. У нас теперь существует закон о старческих пенсиях, дающий старикам и старухам по 5 шиллингов в неделю; на эту сумму, конечно, трудно прожить, но этого все же достаточно для бедняков, чтобы содержать своих стариков, отцов и матерей, не заставляя голодать своих детей и таким образом не толкать их в рабочий дом. Но когда я работала в качестве попечительницы, закона этого еще не было, и утратившей трудоспособность женщине оставалось лишь одно – сделаться паупером.

Жалею, что не могу уделить больше места для описания других трагических случаев, с которыми мне приходилось сталкиваться во время моей деятельности. Я встречала вдов, которые выбивались из сил для того, чтобы не дать распасться своей семье и поддержать домашний очаг. Для таких семейных женщин закон допускает некоторую, правда, совершенно ничтожную помощь, но если у женщины лишь один ребенок, хотя бы и грудной, она признается способной к наемному труду и ничего, кроме рабочего дома, не может быть ей предложено. Нам говорят, что женщины должны оставаться у домашнего очага и ухаживать за детьми. Я обыкновенно поражала своих коллег-мужчин, говоря им: «Когда женщины получают право голоса, они позаботятся о том, чтобы матери *могли* оставаться у домашнего очага и ухаживать за детьми. Вы, мужчины, лишили матерей возможности делать это».

Я убеждена, что освобожденная женщина найдет немало способов хотя бы для смягчения тяготеющего над народом проклятия бедности. Женщины в деле помощи бедным и в особенности в деле предупреждения крайней нищеты проявляют гораздо больше практической изобретательности, чем мужчины. Это всегда поражало меня на всех районных конференциях и годовых собраниях союза учреждений, проводящих в жизнь законы о бедных.

В 1898 г. меня постигла незаменимая утрата – умер мой муж. Он умер скоропостижно, оставив мне тяжелую ответственность и попечение о нескольких детях, старшему из которых минуло лишь 17 лет.

Я сложила с себя полномочия члена попечительного совета и почти немедленно вслед за этим была назначена на платную должность регистратора рождений и смертности в Манчестере. Мой участок был расположен в рабочем районе и поэтому дважды в неделю я установила в своем бюро вечерние часы приема. Трогательно была радость, какую испытывали женщины, встречая регистратора-женщину. Они рассказывали мне свою жизнь, подчас полную ужасов. Несмотря на свой опыт попечительницы, я часто бывала возмущена, снова и снова наталкиваясь на факты, которые говорят о том, как мало оберегают у нас женщин и детей, как безжалостно с ними обращаются. Ко мне приходили девочки-подростки 13 лет, чтобы зарегистри-

стрировать рождение ребенка, – незаконного, конечно. Во многих случаях оказывалось, что виновником положения девушки был ее собственный отец или близкий родственник. И в большинстве случаев ничего нельзя было предпринять. Во время моей службы одна такая юная мать подбросила своего незаконнорожденного ребенка, и он умер. Она была привлечена к суду за убийство и приговорена к смертной казни. Правда, приговор был смягчен, но несчастному ребенку пришлось пережить судебное разбирательство и выслушать из уст судей свою участь: «приговаривается к повешению за шею, пока не умрет». Негодай, с точки зрения справедливости бывший действительным убийцей младенца, совсем не был подвергнут наказанию.

Мне оставалось ознакомиться еще с одной сферой жизни своего времени и близко узнать положение женщины, чтобы окончательно убедиться, что развитие и вообще все будущее цивилизации зависят от деятельной работы женщин, с которых сброшены цепи политического рабства и которые обладают возможностью заняться общественным творчеством. В 1900 г. мне предложили выставить свою кандидатуру в Манчестерский школьный совет. Школьные советы при старом законе были весьма деятельными учреждениями, в руках которых находилось народное образование.

В своей новой деятельности я скоро убедилась, что учителя, эти работники, стоящие на высшей ступени, находятся в совершенно таком же положении, как и простые рабочие – мужчины среди них пользуются всеми преимуществами. Преподавателям предоставлено право посылать в школьный совет своего представителя. Разумеется, этим представителем всегда оказывается учитель-мужчина, который, конечно, больше заботится об интересах учителей-мужчин. Учителя получали значительно более высокое вознаграждение, чем женщины, хотя на многих учительницах, помимо обычных классных уроков, лежала обязанность обучать рукоделию и домоводству. За этот добавочный труд они не получали добавочной платы. И я убедилась тем не менее, что, несмотря на это переобременение работой и на меньшее вознаграждение, учительницы более добросовестно относятся к своему труду и более внимательны к детям, чем учителя. Я помню зиму, отмеченную сильной безработицей в Манчестере. И наши учительницы, как я сама видела, из своего скудного заработка стали устраивать ежедневные обеды для неимущих детей, тратя на это и свое время. Совсем просто они объясняли мне: «Видите ли, малышки слишком истощены, чтобы воспринимать что-нибудь. Прежде, чем учить, их надо накормить».

И что же? Вместо того, чтобы признать, что женщины проявляют больше забот о народном образовании и о школьниках, чем мужчины, а потому им должно быть предоставлено больше влияния в этой области, Парламент в 1900 году принял закон, совершенно отстранивший английских женщин от руководства школами. Закон этот уничтожил самостоятельные школьные советы и передал управление школами местным самоуправлениям.

Закон, правда, устанавливает, что в состав своих школьных комиссий местные самоуправления должны включать по крайней мере одну женщину. Манчестер избрал четырех женщин; в виду настойчивых требований Рабочей Партии я оказалась в числе их. Благодаря настояниям моих коллег меня избрали в комиссию профессионального образования, в которой лишь один голос был предоставлен женщинам. Я узнала, что Манчестерская профессиональная школа, одна из лучших в Европе (она считается второй) и расходующая ежегодно тысячи фунтов на профессиональное образование, совсем не заботится об обучении женщин. Даже в те классы, куда их без всяких затруднений можно было бы допустить, – например, в отделение кондитерское, булочное и пр., – нет доступа девушкам, потому что профессиональные союзы мужчин протестовали против того, чтобы их обучали этим квалифицированным профессиям. Очень скоро мне стало вполне ясно, что мужчины смотрят на женщин, как на служебный класс в современном обществе и что женщины обречены оставаться в таком подчиненном положении и впредь, если сами не постараются изменить его. Я в эту пору неоднократно спрашивала себя, что же надо делать, где искать выход. Я примкнула к Рабочей Партии, полагая, что от

нее может исходить нечто живое, что она сможет выдвинуть требование об освобождении женщины, к которому не смогут безразлично отнестись руководители нашей политики. Но она ничего не предприняла.

Между тем выросли мои дочери. Они всегда интересовались вопросом женского равноправия. Кристабель и Сильвия, будучи еще девочками, плакали и настаивали, чтобы я их брала с собой на собрания. Когда они подросли, мы часто беседовали на тему о политических правах женщин, и меня даже пугала их юношеская вера в конечный успех нашего движения, который они считали несомненным. Однажды Кристабель поразила меня замечанием: «Сколько времени вы, женщины, добиваетесь избирательных прав! Что касается меня, я намерена добыть их».

Какая разница, подумала я, между нами!.. Старая французская поговорка гласит: «*Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait*» – «если бы молодость знала, если бы старость могла». И мне пришло в голову, что если бы старые деятельницы женского движения сумели тем или иным путем соединить свои усилия с юными, еще не уставшими и предприимчивыми суфражистками, то в движение удалось бы вдохнуть новую жизнь, и перед ним открылись бы новые горизонты. Впоследствии я и мои дочери стали искать способ осуществить этот союз между старыми и молодыми, которому предстояло найти новые методы, проложить новые пути. И в конце концов нам показалось, что новый путь найден.

Глава III

Летом 1902 года, – если не ошибаюсь, это было именно в 1902 г., – Манчестер посетила Сьюзен Энтони; этот визит послужил толчком к основанию нашей боевой суфражистской организации – Женского социально-политического союза. Во время пребывания мисс Энтони в Манчестере Кристабель, на которую она произвела очень сильное впечатление, посвятила жизни и деятельности этого заслуженного реформатора статью, помещенную затем в местных газетах. После ее отъезда Кристабель не переставала говорить о ней, всегда с грустью и возмущением отмечая, что такому замечательному борцу за интересы человечества суждено умереть, не дождавшись осуществления надежд всей своей жизни. «Для меня – заявляла моя дочь – нестерпима мысль, что еще одно поколение женщин даром проживет свою жизнь, вымаливая право голоса. Мы больше не должны даром терять время. Мы должны начать действовать».

В это время Рабочей Партии, членом которой я еще оставалась, удалось провести в Парламент Кейра Харди, и мы решили, что первый шаг нашей боевой деятельности выразится в том, чтобы побудить Рабочую партию внести от своего имени новый билль о распространении избирательных прав на женщин. На последнем съезде партии я внесла резолюцию, предлагающую членам Партии поручить своим представителям в Парламенте внести билль об освобождении женщин. Резолюция эта была принята, и мы решили организовать женское общество, задачей которого является требование немедленного наделения женщин политическими правами; общество это должно было отказаться от обнаруживших свою несостоятельность пропагандистских методов и добиваться своей цели политической деятельностью.

В октябре 1903 г. я пригласила к себе несколько женщин для обсуждения вопроса об организации. Мы постановили назвать новое общество «Женским социально-политическим союзом», желая этим подчеркнуть его демократический характер и вместе с тем указать, что задачи его лежат в области политической деятельности, а не пропаганды. Мы решили допускать в члены только женщин, не вступать ни в какие соглашения с другими партиями, сохраняя свою свободу, и сосредоточить все свои силы исключительно на достижении одной поставленной цели. Дела, не слова, – таков должен был быть наш неизменный девиз.

Женское движение в Англии почти замерло, так что старые руководительницы его, свершившие в прошлом такую прекрасную воспитательную работу, теперь, по-видимому, удовлетворялись выражениями симпатии и сожаления со стороны лицемерных политиков. Это лишний раз бросилось мне в глаза благодаря инциденту, происшедшему в то самое время, когда основывался Женский социально-политический союз. В нашем Парламенте только те законопроекты имеют шансы стать законом, за какие высказывается правительство. Отдельные депутаты могут вносить какие угодно законопроекты, но эти последние редко доходят до второго чтения, редко ставятся на обсуждение. Так много времени отдается на обсуждение правительственных мероприятий и проектов, что частным биллям может быть уделено лишь ничтожное время. Только один день в неделю отводится на обсуждение частных предложений, притом таких, в пользу которых высказывается правительство. И так как сессия состоит из немногих недель, то по открытии парламента депутаты собираются и по жребью определяют, кому достанется очередь в прениях. Только у этих счастливых имеют некоторые шансы получить слово в защиту своих биллей, и только те из них, кто оказался во главе списка, могут надеяться на обстоятельное обсуждение своих проектов.

Старые суфражистки давно уже отказались от надежды дожидаться правительственного билля, но они не перестали надеяться на то, что соответствующий билль какого-нибудь отдельного депутата рано или поздно дождется обсуждения. Ежегодно, в день открытия парламента, их организация отправляла в Палату Общин депутацию, чтобы повидать так называемых «сочувствующих» членов Палаты и обсудить с ними шансы женского избирательного права.

Церемония эта носила в высшей степени условный, если не сказать – комический характер. Дамы произносили речи, на которые соответствующими речами отвечали депутаты. Дамы благодарили депутатов за их сочувствие, а депутаты снова заверяли, что они стоят за предоставление женщинам избирательных прав и будут голосовать за это, как только к тому представится случай. После чего депутация, несколько печальная, но вполне спокойная, отправлялась восвояси, и члены ее вновь принимались за свою повседневную деятельность, выражающуюся в содействии той партии, к которой они принадлежат.

В подобной церемонии довелось участвовать и мне вскоре после основания ЖСПС. В собрании председательствовал Чарльз Макларен, и он не преминул формально высказаться в пользу политических женщин. Он уверял делегацию в своем глубоком сожалении, равно как и сожалении многих из его коллег, что женщинам столь интеллигентным, столь убежденным и пр. суждено быть бесправными. Другие члены Палаты говорили в том же духе. Церемония приближалась к концу, но я, которой совсем не поручали говорить, решила кое-что прибавить от себя к сказанному.

– Сэр Чарльз Макларен, – начала я, – сказал нам, что многие из его коллег желают успеха женскому делу. Так вот, мы все знаем, что в данную минуту члены Палаты Общин производят жеребьевку для распределения очереди в дебатах. Не скажет ли нам сэр Чарльз Макларен, намерен ли кто-нибудь из членов Палаты внести билль о предоставлении женщинам избирательных прав? Не скажет ли он нам, что обязуется предпринять он и другие депутаты в пользу реформы, за которую они так горячо высказываются?

Разумеется, сэр Чарльз в смущении ничего определенного не мог ответить на мой вопрос, и депутация удалилась в смятении и возмущении. Меня обвиняли в том, что я только все испортила, что я самонадеянно вмешиваюсь не в свое дело. Кто вообще просил меня говорить? И кто дал мне право выступить и испортить хорошее впечатление, произведенное депутацией? Скольких сочувствующих депутатов я оттолкнула своими неуместными замечаниями!..

Я вернулась в Манчестер и с свежей энергией возобновила работу по организации ЖСПС.

Весной 1904 г. я отправилась на ежегодный съезд Независимой Рабочей Партии, решив, если удастся, побудить ее членов выработать билль об избирательных правах женщин для внесения его в Парламент в ближайшую сессию. Хотя я и состояла членом Национального Центрального Комитета и, по-видимому, должна была пользоваться в партии некоторым влиянием, я все же знала, что мой проект встретит ожесточенное противодействие со стороны значительного меньшинства, державшегося того взгляда, что Рабочей Партии следует направить все свои усилия на завоевание всеобщего избирательного права для всех совершеннолетних мужчин и женщин. Теоретически Рабочая Партия, конечно, не могла примириться с меньшим, чем всеобщее избирательное право, но было очевидно, что никакая столь серьезная реформа не может быть осуществлена в данное время, если только правительству не вздумается включить ее в свою программу. Помимо того надо было иметь в виду, что значительное большинство членов Палаты Общин обязались поддержать билль, распространяющий на женщин существующее уже для мужчин избирательное право, тогда как являлось сомнительным, найдется ли большинство в пользу законопроекта о всеобщем избирательном праве даже для одних только мужчин. Такой билль, даже при поддержке правительства, наверно нелегко смог бы пройти.

После продолжительных прений Центральный Комитет решил принять первоначальный законопроект о распространении избирательных прав на женщин, составленный д-ром Панкхёрстом и достигший в 1870 г. второго чтения в Палате Общин. Решение Комитета было одобрено подавляющим большинством съезда.

Новая сессия парламента, столь нетерпеливо ожидаемая, началась 13 февраля 1905 г. Я приехала из Манчестера и вместе с своей дочерью Сильвией, в то время студенткой Королевского Колледжа Искусств в Кенсингтоне, провела целую неделю в кулуарах Палаты Общин,

агитируя за наш билль. Мы интервьюировали решительно всех депутатов, обязавшихся голосовать за билль, если он будет поставлен на обсуждение и голосование, но не нашли ни одного, готового внести самый билль, если ему достанется слово. У каждого депутата был наготове какой-нибудь другой проект, который ему хотелось провести. Кейр Харди дал раньше это обязательство, но, чего мы боялись, его имя не попало в список получивших голос. Тогда мы занялись опросом всех тех депутатов, кто оказался в списке, и в конце концов нам удалось убедить мистера Бэмфорда Слэка, стоявшего в списке на четырнадцатом месте, внести наш билль. Четырнадцатое место немного обещало, но все же и оно пригодились, и второе чтение нашего билля было назначено на 12 мая, вторым в порядке дня.

За последние восемь лет это был первый законопроект о женском избирательном праве, достигший второго чтения, и потому пришли в движение и исполнились ожиданий не только наши ряды, но и все старые общества суфражисток. Стали устраиваться митинги, собирались подписи под петициями. Когда настал день, назначенный для обсуждения нашего билля, кулуары Палаты не могли вместить громадную толпу женщин всех классов, богатых и бедных, стекшихся со всех сторон в Палату Общин. Больно было видеть тот луч надежды и радости, который светился на лицах многих из этих женщин. Мы знали, что наш проект имеет ничтожные шансы на принятие. Первым в порядке дня стоял билль о том, чтобы экипажи всякого рода, проезжающие ночью по дорогам общего пользования и улицам, были снабжены сзади и спереди фонарями. Мы пытались уговорить инициаторов этой незначительной меры снять с очереди свой проект в пользу нашего билля, но они отказались это сделать. Мы также пытались убедить консервативное правительство обеспечить всестороннее обсуждение нашего законопроекта, но и здесь встретили отказ. И вот, как мы и предвидели, авторам законопроекта о фонарях было предоставлено «заговорить» наш билль. Они сделали это, пересыпая прения анекдотами и бессмысленными шутками. Депутаты со смехом и аплодисментами следили за этим оскорбительным представлением.

Когда весть о происходящем дошла до женщин, ждавших в кулуарах Палаты, толпой овладело чувство возмущения и неопишное возбуждение. Увидев такое настроение, я решила, что настал момент для демонстрации, какую еще никогда не пытались устроить суфражистки старого типа. Я пригласила присутствующих следовать за мной на улицу, чтобы устроить под открытым небом митинг протеста против правительства. Мы бросились из здания Палаты, и мистрисс Уолстенхолм-Элми, одна из старейших деятельниц женского движения в Англии, начала говорить. Немедленно вслед за тем полиция устремилась на толпу женщин, расталкивая их и приказывая разойтись. Мы отошли к статуе Ричарда Львиное Сердце, стоящей перед входом в Палату Лордов, но полиция вновь обрушилась на нас. В конце концов полиция согласилась допустить наш митинг в ближайшем соседстве к воротам Вестминстерского аббатства. Здесь, после нескольких речей, мы приняли резолюцию, осуждающую правительство за то, что оно позволило ничтожному меньшинству провести обструкцию против нашего билля. Это было первое милитантское выступление Женского социально-политического союза. Оно возбудило различные разговоры и даже произвело некоторый шум, но полиция удовлетворилась тем, что записала наши фамилии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.